

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук Анны Глебовны Гродецкой на диссертацию Юлии Валерьевны Фоминой «Семиотика телесности и художественная антропология Л. Н. Толстого (1880–1890-е годы)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Представленная к защите диссертация Ю. В. Фоминой по своей научной проблематике, вне сомнения, находится в русле приоритетных направлений современного научного знания. Телесность, семиотически артикулированная в тексте, составляет предмет исследования в ряде новейших работ по невербальной семиотике (Г. Е. Крейдлин и др.), включая словари «языка жестов», на которые методологически ориентируется диссертантка.

Очевидно, кроме того, что «диалектика тела» (по определению В. И. Порудоминского, которого не раз Ю. В. Фомина цитирует), именно в текстах Толстого составляет один из важнейших механизмов смыслопорождения, обнаруживая скрытую связь *внешнего* и *внутреннего* в характере и поведении человека.

«Склонность придавать значение самому простому движению составляла во мне характеристическую черту...» — так звучало признание главного героя еще в толстовском «Отрочестве». Семантика телесного движения для толстовской художественной антропологии чрезвычайно актуальна и, добавим, всегда многозначна. Она дает «уровень реальности», обеспечивая жизнеподобие, во-первых, и может быть в этом случае аксиологически нейтральна, однако, как правило, настойчивая повторяемость того или иного жеста-сигнала делает его не только характерологически, но и аксиологически значимым.

Актуальность диссертации обусловлена как недостаточной изученностью поэтики позднего Толстого и структур смыслопорождения в его текстах, так и правомерностью выбора в качестве объекта анализа — телесной сферы.

Научная новизна работы определяется системным подходом автора к исследованию функций невербальных элементов в художественной антропологии Толстого. Система телесных знаков в каждом из толстовских текстов рассматривается как сложное и многофункциональное семиотическое единство.

Структура работы представляется логичной и убедительной и соответствует поставленным целям и задачам. *Материал* исследования достаточно репрезентативен — это не только поздний Толстой; во всех случаях, когда предметом исследования становятся устойчивые по своей семантике и конструктивным функциям элементы текста или же, напротив, элементы, от текста к тексту эволюционирующие, Ю. В. Фомина обращается к произведениям писателя раннего и зрелого периодов.

Во **Введении** обоснована научная правомерность и продуктивность исследования толстовской антропологии сквозь призму семиотики телесности.

В 1-й главе «*Природное – животное – человеческое: невербальные маркеры*» рассмотрены три поздних толстовских повести — «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник», каждой из которых посвящен отдельный параграф. В смысловой структуре повести «Холстомер» жест исследуется как *знак подмены*. В тексте, построенном по преимуществу на контрасте, животными чертами наделяется князь Серпуховской, тогда как очеловеченный пегий мерин выступает носителем *разумного сознания*. Сложную семантику до известной степени очеловеченных жестов и мимики лошади и исследует автор, не упуская из внимания то, что телесность у Толстого всегда имеет возрастные измерения — от детства и молодости к старости и смерти, и в финале повести, как, собственно, и в раннем толстовском рассказе «Три смерти», как и в поздних текстах, тело выступает эмблемой смертности или прижизненной мертвенности. И напротив, внетелесность, свобода от телесной зависимости — у Толстого неизменно является знаком открытости и причастности персонажа высшим уровням бытия.

В повести «Смерть Ивана Ильича» комплекс поведенческих знаков, как убеждает диссертантка, передает театральность *ложной* жизни, ее игровые роли, маски и жесты, на фоне *подлинности* ухода из жизни главного героя.

Телесный знак, как Ю. В. Фомина демонстрирует в 3-м параграфе при анализе повести «Хозяин и работник», может выступать и знаком прозрения героя. Всецело плотская жизнь Василия Брежунова заканчивается жертвенной и потому радостной смертью — во исполнение воли Хозяина, и именно мертвое *тело* Брежунова сохраняет жизнь работнику Никите: «хозяин своим телом защищает работника от замерзания и от этого внешне мерзнет, а внутренне согревается» (с. 51; диссертантка цитирует З. Хайнади).

Несомненно продуктивен анализ устойчивых и ценностно маркированных мотивов в разделе «*Легкость и тяжесть* как маркеры невербального поведения героев». *Легкая* походка буфетного мужика Герасима в «Смерти Ивана Ильича», как и Никиты в «Хозяине и работнике», антитетичны *тяжести* выполняемой ими работы.

Содержательно в этом разделе разграничение *природных* и *животных* типов у Толстого. Герасим и Никита отнесены к *природному* типу, как и дядя Ерошка в толстовских «Казаках» (также обладатель *легкой* походки), однако, как пишет диссертантка, «Ерошка отличается от мужиков из поздних повестей тем, что пребывает в пантеистическом измерении, тогда как Герасим и Никита ориентированы на христианскую традицию» (с. 46). В данном случае, как и в ряде других, последовательный и убедительный анализ мотивных комплексов в текстах завершают выводы и определения, прямо скажем, *облегченные*, тогда как требуются понятия и дефиниции, более адекватные толстовской системе ценностей, общефилософской системе.

Вполне оправданным представляется тот аспект исследования семантики и поэтики жеста, который избран во **2-й главе** — аспект гендерный. Здесь рассматривается двойственная модель женственности в поздних толстовских повестях (*ангельское/дьявольское*) и невербальные коды и знаки, участвующие в репрезентации данной модели. Отметим органичность объединения «Крейцеровой сонаты», «Отца Сергия» и «Дьявола»: язык тела и гендерный дискурс, безусловно, общие в этих трех повестях.

Логическим продолжением основных положений двух первых глав становится **3-я глава**: «Жизнь *истинная* и *ложная*: невербальное поведение героев в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»». Поведенческий жест персонажа в последнем толстовском романе остается, как и в повестях 1880—1890-х гг., одним из важнейших маркирующих знаков в различении *истинного* и *ложного*. «Жест как идентификатор лжи» — таков исследовательский постулат первого параграфа главы. Здесь убедительно выделен целый ряд изобразительных приемов Толстого, направленных на раскрытие *скрытых* мотивов поведения героев, в том числе и многократно ранее описанных (главным образом, в сценах суда и богослужения в остроге). Среди многих функций жеста для чиновничьего мира «Воскресения» актуален жест, аннигилирующий личность, когда человек весь выражен жестом, являя собой *внешнее без внутреннего*.

В свое время В. Порудоминский, плодотворно занимающийся поэтикой толстовской детали, обратил внимание на специфический в его текстах «язык ног» (от походки человека до его обуви). В работе Ю. В. Фоминой интересны наблюдения над кинетикой судопроизводства (разного рода перебежки «рысью», «шмыганье» судейских), исполняемого, в изображении Толстого, в значительной степени *ногами*. Оппозицией этой лишенной смысла чиновничьей *суете* выступает скованность и обездвиженность арестантов, а вместе с тем и их внесуетность, принадлежность не быту, но бытию.

Механистичность жеста, его машинальная повторяемость — один из устойчивых изобразительных приемов Толстого, и не только позднего,

прием, оформляющий антиномизм *живого и подлинного и безжизненного и ложного*.

В целом содержательное исследование Ю. В. Фоминой вызывает и ряд замечаний, носящих, впрочем, рекомендательный характер.

1. Более отчетливо и категориально точно, как уже отмечалось выше, мог бы быть представлен в диссертации общемировоззренческий и проблемно-тематический уровень произведений позднего Толстого. Иначе возникают такие, например, ситуации. Исследуя эпизод за эпизодом тотальную ложь, искусственность, театральность поведения судейских чиновников в «Воскресении», автор резюмирует: «Здесь борются не за справедливость, как в идеале должно быть в суде, а за личные успехи, личную репутацию» (с. 109). Однако, как известно, Толстой выступал не за справедливость суда, он отрицал институт суда как таковой.

2. Последовательно проведенное во всех главах работы обращение к словарям языка жестов и, соответственно, к их традиционной интерпретации представляется не всегда оправданным. Традиционная семантика жеста (как, например, прищуривание, приподнятые брови, плечи и т. п.) и без словаря понятна, и автор работы, как правило, лишь отталкивается от словарного значения, обнаруживая иные смыслы и предлагая иную интерпретацию невербальных текстовых элементов. У Толстого актуальной может быть конкретно-ситуативная семантика жеста, во-первых, индивидуализирующая или типологизирующая, во-вторых, и наконец, аксиологически заданная, к словарным смыслам отношения не имеющая, когда невербальные элементы в тексте наделяются функцией передачи *отчетливо толстовских и только толстовских* смыслов.

Теоретическая значимость диссертации Ю. В. Фоминой обусловлена ее результативностью для изучения разных форм и способов выражения телесности, а также художественной антропологии и поэтики позднего Толстого.

Практическая значимость определяется тем, что наблюдения и аналитические выводы диссертантки могут быть использованы в научных исследованиях и учебных курсах по истории русской литературы XIX века, по творчеству Л. Толстого, проблемам поэтики и художественной антропологии.

Автореферат и опубликованные работы полностью раскрывают тему диссертации.

Диссертационное исследование «Семиотика телесности и художественная антропология Л. Н. Толстого (1880—1890-е годы)» является завершенной научно-квалификационной работой, отвечает требованиям п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842. Автор диссертации, Юлия Валерьевна

Фомина, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Официальный оппонент:
Гродецкая Анна Глебовна,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
ФГБУН Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
198095, г. С.-Петербург, ул. Швецова, 10, 65
Тел.: +7 911 1374353
e-mail: grodetkaiaag@mail.ru

ФГБУН Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Тел.: 8 (812) 3281901; irliran@mail.ru

4.12.2017.

